

ОБЩЕСТВО.СЕВЕР

Депортация в СИЗО. Как Турция выдала России Ариадну Литвинову

Север.Реалии

менее минуты назад

Фото из соцсетей Ариадны Литвиновой

4 июля 2026 года Турция депортировала в Россию 24-летнюю Ариадну Литвинову – фигурантку политического уголовного дела. Сразу по прилету в аэропорт она была задержана и теперь находится под арестом в СИЗО. 7 июля Куйбышевский районный суд Петербурга заключил Литвинову под стражу. До сих пор Турция считалась относительно безопасной страной для антивоенно настроенных россиян.

Турецкая полиция забрала Ариадну из дома отца и его второй супруги – они сами позвонили властям, по словам отца, из-за "конфликта с рукоприкладством".

По словам **Валерия Крыжановского**, он не знал, что дочь находится в розыске и может быть депортирована в Россию.

Север.Реалии – о подробностях этой истории, а также о том, в каких странах российским политическим эмигрантам сегодня может угрожать депортация на родину и какие механизмы защиты доступны в подобных ситуациях.

|"Я сделал все, что мог"

Свое редкое имя Ариадна получила в честь бабушки – мамы Валерия Крыжановского.

– Она умерла 1 октября – в день памяти святой мученицы Ариадны Промисской. Моя первая жена выбрала это имя для дочери, которая родилась 11 августа 2001 года. Чтобы она бабушку помнила. Я сам маму постоянно вспоминаю, молюсь за нее, – говорит Крыжановский.

Семья распалась, когда Ариадне было пять лет. Валерий уехал из Мытищ, где они жили, долго путешествовал, в конце концов оказался в Турции и второй раз женился. Снова общаться с дочерью он стал, только когда ей уже исполнилось 20.

Тогда Литвинова училась в московском колледже полиции в Тушине, но в 2023 году учебу бросила. Вскоре она уехала в Таиланд вместе с подружкой, но потом они поссорились, и Ариадна вернулась в Россию. А на третью годовщину полномасштабного вторжения России в Украину, в ночь на 24 февраля 2025 года, Литвинову задержали в Петербурге. По версии полиции, она написала черной краской из баллончика "Убийцы. Мир Украине. Свободу политзаключенным" на десяти стендах военной выставки "Вместе к Победе" у арки Главного штаба на Большой Морской улице.

На следующий день Дзержинский районный суд Петербурга оштрафовал Литвинову на 50 тысяч рублей по административной статье о "дискредитации" армии. Вину она не признала. Затем из-за тех же самых надписей было возбуждено уголовное дело, хотя российское право запрещает двойное преследование за один эпизод. Дело возбудили сначала по статье о вандализме по мотивам политической и идеологической ненависти (ущерб от надписей следствие оценило примерно в 135,5 тысячи рублей), потом оно было переквалифицировано на ст. 280.3 УК РФ – повторная дискредитация армии.

После первого задержания 25 февраля 2025 года Куйбышевский районный суд Петербурга отправил Литвинову в СИЗО, однако защите удалось оспорить арест. 19 марта Санкт-Петербургский городской суд изменил ей меру пресечения на запрет

определенных действий. Оказавшись на свободе, Литвинова покинула Россию. И в конце августа 2025 года приехала в Турцию, где живет ее отец.

– Что я могу сказать. Во-первых, у нее СДВГ – синдром дефицита внимания и гиперактивности. Я об этом узнал только перед ее приездом ко мне, почти когда она уже приехала, – рассказывает Валерий Крыжановский. – Во-вторых, она мне не сказала, что у нее, как я понял, сменили статью. Точнее, про смену статьи она сказала, но не сказала, когда это произошло (*действия Литвиновой были переквалифицированы с "политического вандализма" на "дискредитацию армии с отягчающими обстоятельствами" 3 декабря 2025 года – СР*). И не сказала, что ее объявили в розыск. Об этом я ничего не знал. Она мне об этом ничего не сказала. Она разговаривала с моей женой, а со мной не хотела. Сначала она еще как-то разговаривала со мной, что-то рассказывала о себе. Я уже обрадовался: думаю, ничего себе, может быть, получится общаться. А потом она замолчала. Я думал: ладно, пройдет какой-то момент, что-то переключится, поговорим дальше. Нет – молчит. Стала жить только в своем мире. Я пытался с ней наладить контакт – и так, и так, со всех сторон. Но бесполезно. Она молчала: "Я не хочу с тобой разговаривать" – и все.

Ариадна с отцом Валерием Крыжановским и его супругой Джемиле

По словам Крыжановского, Ариадна жила в его доме, но в отдельной комнате, старалась почти не пересекаться с остальными. Она много времени проводила за компьютером, смотрела мультфильмы и российские оппозиционные программы, редко выходила из дома.

– Она стала жить в своем мире. Я пытался с ней поговорить раз, второй – она молчит, и все. Иногда выходила курить на балкон, я пробовал пообщаться – молчит. Я ничего не мог с ней сделать. Своим молчанием она действительно раздражала, – рассказывает Крыжановский. – Она при этом нашла защиту у моей жены Джемиле: та с ней общалась, а когда я пытался на нее как-то повлиять – чтобы она убралась, что-то сделала, – жена говорила: "Не трогай ее". Ну ладно, что сделаешь.

С Джемиле Ариадна общалась через переводчик. У Валерия же свои представления, что было бы хорошо для дочери:

– Когда ее выпустили, я еще в России ей говорил: устройся на работу, куда-нибудь на вахту, в женское общежитие. Забудь про политику, просто уйди в работу, зарабатывай деньги. Купи себе домик где-нибудь вдали от Москвы – в Кировской области, например, неважно где. Устраивай быт, живи, – рассказывает Крыжановский. – Потом, когда я понял, что запрета на выезд у нее вроде бы нет, сказал: приезжай к нам. Она говорила, что разговаривала с адвокатом и адвокат ей будто бы разрешил выезжать. Я не знаю, правда это или нет. Она многое говорила не прямо. Я спрашивал по-человечески, как дочь, а она мне иногда просто врала. Я думал: ты мне не доверяешь? Не веришь?

Он говорит, что пытался найти дочери работу – "например, в Макдональдсе, пусть даже без полного оформления", или даже мужа: "Наш знакомый, хороший человек. Я понимаю, что насильно мил не будешь. Но если бы она согласилась, у нее через какое-то время могли бы появиться документы, открылись бы возможности. Она не захотела". Ариадна, по словам отца, "целыми днями сидела дома и ничего не делала".

– Она начала говорить жене, что хочет, чтобы ее отправили в Германию. Жена говорит: у нас денег нет. Я подошел, объяснил: допустим, деньги найдем. А как ты собираешься ехать без визы? У тебя незакрытое дело. Мы тебе ВНЖ здесь сделать не можем, – рассказывает Крыжановский. – Мы действительно пытались сделать ей ВНЖ. Я смотрел документы, звонил знакомому в Турции, с кем раньше работал. Он сказал: если у нее незакрытое дело, это бесполезно. Любой документ все равно проходит через запрос в Россию. И нужен апостиль. Я говорил: давай апостиль, пусть Вика, ее сестра, сделает апостиль, пришлет документы к нам. Может быть, как-нибудь обойдем, попробуем. Спрашивал: когда апостиль будет? Месяц, два, три, четыре, пять. А сроки уже вышли. Она молчит и все.

К маю 2026 года отношения в доме, по словам отца, окончательно испортились.

– В какой-то момент она стала вести себя агрессивно, – говорит Валерий. – Я почувствовал, что у нее идет агрессия. Она что-то кричала жене, ругалась на нее. Я сказал: ты что, совсем уже? Замахнулся на нее рукой – не ударил, просто хотел напугать, чтобы она остановилась. А она: "Ах так? Да я сама тебя сейчас..." – кинулась на меня и начала душить. Я вырвался, пытался ее удержать. Жена кричала: "Брось ее, не трогай ее, иди отсюда". Ариадна убежала. Я сказал жене: вызывай полицию. В тот момент у меня в голове было: если она так на меня кинулась, что будет, если она потом кинется на жену? Я не знал, что у нее может произойти в голове.

Он утверждает, что испугался агрессии дочери – физически сильной девушки: "Она сама говорила, что не понимает, почему у нее иногда бывает такая сильная

агрессия".

Полиция увезла Ариадну из дома.

– Если бы я знал, что она в розыске, вряд ли бы вызвал, наверное, – говорит теперь Крыжановский.

За месяц, что Ариадна провела в депортационном центре, Валерий Крыжановский "даже не пытался" навестить дочь.

– Я понимал, что она злая на меня. Жена сказала: вообще не лезь туда, тебя это сейчас не касается. Я не понимал, что ее будут депортировать в Россию. Жена звонила туда, ей сказали, что Ариадну вроде бы отправили в женское общежитие. О высылке речи не было. Я не знаю, как это в Турции устроено. Я думал, что ее, может быть, отправили куда-то под защиту, где женщины с проблемами живут. После землетрясения у нас были контейнерные городки, такие места, где люди жили. Я думал, может быть, что-то вроде этого.

– Теоретически можно было подключить адвоката, чтобы ее депортировали не в Россию, а в другую страну...

– Может быть. Но она и сама могла это сделать. Она училась в колледже полиции, на юриста. У нее был телефон адвоката в России, наверняка были знакомые, которые всем этим занимались. Если у нее была связь, она могла кого-то подключить. Наверное, какая-то связь у нее была, но я не могу утверждать.

– Сейчас, когда вы смотрите на эту историю, как вы думаете: можно было что-то сделать иначе?

– Я не знаю. Я сделал все, что мог, насколько хватило моих сил. Она могла бы жить у нас. Жена и так многое для нее делала, старалась. Но Ариадна довела ситуацию до того, что жена уже готова была выгнать нас обоих. Мы пытались дать ей варианты: лечение, работа, документы, замужество, возможность остаться в Турции. Она ничего не хотела.

7 июля объединенная пресс-служба судов Санкт-Петербурга сообщила, что Куйбышевский районный суд изменил меру пресечения Ариадны Литвиновой с запрета определенных действий на заключение под стражу.

Для россиян Турция остается безвизовой страной только на короткое пребывание: владельцы обычных российских паспортов могут находиться там

без визы до 60 дней для туристических и деловых поездок. Для более долгой легальной жизни нужен вид на жительство – икамет: краткосрочный, семейный, студенческий, рабочий или в отдельных случаях гуманитарный. Краткосрочный ВНЖ выдается на срок до двух лет, но заявитель должен подтвердить основание для пребывания, адрес проживания, соответствие условиям въезда и, если миграционные власти потребуют, представить справку о судимости из страны гражданства или законного проживания, иначе ВНЖ могут не выдать или не продлить. После начала войны Турция стала одним из главных направлений для уехавших из России, но с 2023 года, **по данным Reuters**, россияне все чаще сталкивались с отказами и трудностями при продлении ВНЖ. Число россиян с турецкими разрешениями на проживание сократилось с 154 тысяч в конце 2022 года до 96 тысяч к маю 2024-го. Само по себе уголовное преследование в России не означает автоматического отказа в турецком ВНЖ, однако может осложнить сбор документов и прохождение миграционной проверки.

|"Лучше воздержаться и от посещения Турции"

Правозащитников, с которыми поговорила редакция Север.Реалий, удивляет, что вместо экстрадиции, которая требует длительной юридической процедуры, тянется месяцами и дает возможность обжалования, Турция в этом случае выбрала депортацию. В случае экстрадиции страна действует в рамках международных, двусторонних или многосторонних, соглашений. В случае же депортации – это административное решение, принятое формально в связи с нарушением человеком законов в стране пребывания, поясняет правозащитник, основатель проекта "Ковчег" **Анастасия Буракова**.

– Сказать, что Турция нарушает свои обязательства, например, потому, что человек не был в розыске Интерпола, на него не было red notice, формально нельзя, – отмечает она.

До дела Литвиновой "Ковчег" уже сообщал о попытке Турции депортировать в Россию политически преследуемого россиянина в сентябре 2025 года. Тогда эмигрант обратился в российское диппредставительство в Турции, после чего его задержали турецкие власти. В России его преследовали по статье об "оправдании терроризма" из-за комментария в интернете.

Тогда правозащитникам удалось не допустить отправки человека в Россию. Но в дело успел войти адвокат, рассказывает правозащитник:

– В нашем прошлом кейсе тоже аннулировали ВНЖ, но там пустили адвоката, и мы добились, чтобы депортация была в третью страну. Турки не так уж настаивали

Анастасия Буракова

именно на России: они постоянно предлагали, например, Казахстан или Кыргызстан. Но не было такого, чтобы все случилось настолько быстро. У нас было время подготовить документы, обосновать, в какую страну человек должен быть депортирован, получить от этой страны согласие на то, что человек туда въедет. Турки требовали это согласие, хотя оно не обязательно. И у нас было время с помощью местных юристов провести переговоры с другими странами.

По косвенным признакам, говорят юристы "Ковчега", инициатором в делах о высылке политически преследуемых выступает Российская Федерация. Проблемы у людей начинались после того, как они так или иначе "светили" свое местопребывание: ходили в посольство или отчитывались в соцсетях о

встречах с родственниками.

После истории с депортацией Литвиновой Турция больше не может считаться безопасной страной для россиян с уголовным делом или высоким риском его возбуждения.

– Часто про свои уголовные дела в России люди узнают о не сразу. Я, например, о своем узнала на четвертый месяц после его возбуждения, и то случайно, – говорит Анастасия Буракова. – Поэтому людям с высоким риском уголовного дела лучше воздержаться и от посещения Турции, и даже от транзита через турецкие аэропорты.

В январе 2024 года едва не депортировали в Россию группу "Би-2". Музыкантов задержали в Таиланде после концерта на Пхукете без рабочих виз. Их оштрафовали, но после не отпустили, а перевезли в миграционный центр в Бангкоке. На фоне антивоенной позиции группы и статуса "иностранного агента" у Егора Бортника возникли опасения, что участников "Би-2" могут отправить в Россию, где им могло грозить преследование. За музыкантов вступились правозащитники, общественные деятели и дипломаты нескольких стран. В итоге депортации в Россию удалось избежать: сначала в Израиль вылетел Егор Бортник, а 31 января 2024 года Таиланд покинули остальные шесть участников группы. Все они улетели в Израиль.

Анастасия Буракова советует российским эмигрантам особенно внимательно соблюдать местные законы и правила, особенно требования миграционного законодательства.

– У Би-2, например, было формальное нарушение. Власти официально заявляли, что они давали концерты с туристической визой, то есть с туристической целью пребывания, которая не дает права на работу. У нашего подзащитного не было никакого правонарушения. По нему вынесли решение о депортации на основании внутренней информации: что он представляет угрозу национальной безопасности Турции, – говорит правозащитник. – В Казахстане были состряпаны две административки. Что-то вроде курения в неположенном месте и еще какая-то статья.

– *Какие еще страны вызывают опасения?*

– Беларусь, все страны Центральной Азии – сразу нет, если есть уголовное дело. Если уголовного дела пока нет, каждый сам оценивает, что он писал в интернете, с кем общался, где работал. Все эти вещи надо здраво оценить применительно к себе. Армения – тоже риск. Она участвует в межгосударственном соглашении по уголовным делам. Соответственно, в ней работает система межгосударственного розыска. Из Армении, насколько я знаю, реальных действий, направленных на экстрадицию в Россию, не было. И суды там работают достаточно прозрачно. Но перспектива застрять в Армении на неопределенный срок реальна. На человека могут наложить ограничения на выезд, например подписку о невыезде, по экстрадиционному запросу. Потом нужно будет потратить очень много ресурсов правозащитных организаций – и наших в том числе. А правозащитные организации и так на последнем издыхании.

Не надо ехать в Азербайджан. В Грузии система межгосударственного розыска не работает, и если нет более безопасных вариантов, то пока там более-менее. Из Грузии есть депорты, но не в Россию. Чаще это происходит при overstay – превышении срока пребывания – или когда человек участвовал в местных протестах. Вот это два триггера для грузинских властей, – говорит Анастасия Буракова.

|"Очень важно перейти в нападение"

Предотвратить депортацию в Россию можно только в случае, если о происходящем становится известно сразу, комментирует кейс Литвиновой адвокат **Михаил Беньяш**, защищавший в России участников протестов, оппозиционеров и после начала войны – контрактников, отказавшихся ехать в Украину.

– Счет идет на часы, поэтому нужно срочно заявлять по 39 правилу Регламента ЕСПЧ заявление о предварительных мерах. Ну и в случае депортации в страну, в которой грозит уголовное преследование и пытки, прямо на месте требовать политическое убежище или временную защиту. Можно письменно, можно на регистратор сотрудника погранслужбы, а лучше всеми способами, – говорит Беньяш. – Я мог бы написать прошение по 39 правилу Регламента. И помог бы найти юриста в Турции.

9 июля Михаил Беньяш объявил о создании "Юробофорны" – сообщества российских юристов в Европе, которые намерены помогать россиянам, белорусам, украинцам и другим мигрантам в спорах с миграционными властями, работодателями и бизнесом.

"У вас есть право. И у вас есть права. А еще у вас есть те, кто поможет их защитить и реализовать. Мы работаем, очень быстро учимся. И мы умеем побеждать", – говорит Беньяш на видео, которое записал к старту проекта.

Александр Кабанов

– Мне кажется, очень важно перестать быть только в защите. Не просто говорить: "Мы бедные несчастные русские эмигранты, нам не дают паспорт". Очень важно перейти в нападение, – считает профессор Университета Северной Каролины **Александр Кабанов**, который пристально следит за делом Литвиновой. – Есть зло – война России против Украины. Это зло осуществляется. А есть те, кто этому злу помогает. В данном случае страна, которая одним днем выдает человека, против которого в России выдвинуты политические обвинения, совершает действие, способствующее злу. Если на это не обращать внимания, оно так и будет происходить втихую. А если начать обращать внимание – не только в российском поле, но и в международном, – это уже будет хоть какое-то сопротивление.

Кабанов уехал из России еще до войны и в 2022 году резко осудил агрессию против Украины. В апреле 2026 года Минюст РФ внес его в реестр иностранных агентов, а Русско-американскую научную ассоциацию RASA-America, с которой Кабанов тесно связан, российские власти признали "нежелательной организацией".

Научный проект T-invariant, в координационный совет которого входит Кабанов, также признан в России иностранным агентом.

– Я, например, теперь не поеду в Турцию, – говорит ученый. – Не потому, что мне лично что-то грозит, а потому, что после случая с депортацией Ариадны Литвиновой мне просто туда неприятно ехать. Но если зайдет разговор, скажем о проведении международной конференции в Турции, то я не буду оперировать только аргументом "неприятно", я подчеркну, что даже мне, американскому гражданину, путешествующему по миру с американским паспортом, и подвергающемуся преследованию со стороны российского государства по политическим причинам, может быть небезопасно путешествовать в Турцию (и далее по списку).

Истории депортации и экстрадиции антивоенных эмигрантов должны становиться публичными и репутационно не выгодными для государств, которые такие решения принимают, считает Кабанов.

– Сопротивляться таким практикам можно через публичность и давление в профессиональных сообществах: говорить об этом на международных площадках, отказываться от участия в мероприятиях в странах, которые выдают политически преследуемых людей, и собирать все такие случаи в открытую базу. Должна быть карта небезопасных стран. Она должна быть на разных языках, в том числе на английском, должна висеть в открытом доступе, и ее нужно всячески использовать. Нужно агрегировать информацию о том, как государства поступают с людьми, которых преследует Россия. Это должны быть хорошие, понятные сайты – такой "Миротворец" наоборот. Надо создавать инструменты давления на автократические, репрессивные, полудемократические государства. – считает Кабанов.

Однако, у новой российской эмиграции не так много инструментов влияния на чиновников тех стран, где оказались политические эмигранты, считает журналист и общественный деятель **Сергей Пархоменко**, сооснователь премии "Редколлегия", вокруг которой сегодня объединяются российские медиа в изгнании.

– Конечно, вот так высылать людей, – к счастью, этих случаев не очень много, но они время от времени случаются в разных странах, – это безответственная вещь. Но у нас, к сожалению, не так то много возможностей настаивать, навязывать свою позицию, свою волю, предъявлять моральные упрёки и претензии властям тех стран, где сейчас находится российская политическая эмиграция. У нас есть прямые контакты с чиновниками, депутатами, дипломатами, гражданскими активистами в разных странах. Но российский поток эмигрантов существует не в безвоздушном пространстве. В Европу продолжают стремиться жители бедных

стран Африки, Центральной Азии, воюющих стран Ближнего Востока. Не прекращается и поток из Украины. И чиновники в разных европейских странах вынуждены обо всем этом думать. И я сам много раз получал такие ответы, когда говорил, скажем, важным сотрудникам Министерства иностранных дел Франции: давайте придумаем какое-нибудь комплексное решение, которое касалось бы журналистов, гражданских активистов и людей, пострадавших от российского тоталитаризма, которые приезжают в Европу. А мне говорили: мы сейчас придумаем для вас комплексное решение, а потом к нам придут сто афганцев и восемьсот камерунцев и спросят: а нам комплексное решение? Мы чем хуже? И будут совершенно правы. Так что не надо про это забывать и не надо думать, что для разных европейских чиновников российский поток – это какой-то особенный эмиграционный поток, заслуживающий отдельного внимания, – говорит Сергей Пархоменко.

Редакция направила запрос в Управление по миграционным вопросам Министерства внутренних дел Турции с просьбой прокомментировать депортацию Ариадны Литвиновой в Россию. Ответ на момент публикации не получен.

Этот контент также в категориях

Регионы

Общество.Север